ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Письменность
Искусство
Археология

Ежегодник
1985

Москва • «Наука» • 1987

КНИГА Ж. ДЕЛИЛЯ «САДЫ» ИЗ БИБЛИОТЕКИ В. А. ЖУКОВСКОГО КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н. Б. Реморова

Библиотека В. А. Жуковского, являясь неоценимым источником для изучения и понимания идейных, общественных и эстетических истоков творчества самого поэта, вместе с тем дает интересный материал, касающийся личных, деловых и творческих связей художника со многими деятелями литературы XIX в. С некоторыми из этих людей поэт вел переписку, имел длительные и глубокие связи, получившие освещение в литературе о Жуковском. О некоторых контактах творческого или личного плана из материалов библиотеки мы узнаем впервые. Но в любом случае данные библиотеки Жуковского, описание и изучение которой началось сравнительно недавно [1], расширяют и углубляют наши представления не только о характере связей самого Жуковского, но позволяют узнать много нового о людях, вступавших в более или менее тесные контакты с поэтом, об их творческой деятельности, по тем или иным причинам не всегда достаточно известной.

К числу последних, как нам представляется, относится и Александр Федорович Воейков, литературное наследие которого не собрано и не изучено. Материалы библиотеки В. А. Жуковского позволяют, в частности, уточнить некоторые сведения о Воейкове — переводчике поэмы «Сады» французского поэта Жака Делиля (1738—1813).

«Сады» Делиля — типичное произведение так называемой описательной поэзии, главной темой в произведениях которой было живописное изображение природы. Важную роль в повествовании мог играть дидактический элемент. Зачинателем описательной поэзии принято считать Д. Томсона, получившего широкую известность в качестве автора цикла поэм («Лето», «Осень», «Зима», «Весна»), объединенных под общим названием «Времена года». Поэма оказала влияние на творчество многих поэтов и вызвала подражания почти во всех европейских странах. Особенно известны в этом отношении произведения Э. фон Клейста в Германии, Сен-Ламбера и Делиля во Франции. В России самостоятельного развития описательная поэма не получила, хотя интерес к ней можно отметить у авторов, связанных с сентиментальным направлением. Так, например, Жуковский намеревался, воспользовавшись опытом предшественников, написать поэму «Весна», для создания которой считал необходимым изучить не только художественные произведения ряда западно-европейских авторов, но и детально проработать многие труды по естествознанию [2]. Нельзя не отметить и факта появления значительного количества переводов произведений описательной поэзии, опубликованных в России в конце XVIII — начале XIX в.[3]

Обращение к созданию описательных произведений, стремление к точному, выразительному изображению природы способствовало выработке новых принципов в поэзии и, несомненно, оказало положительное влияние на развитие жанра русской поэмы, над созданием которой размышляли многие авторы, в том числе В. А. Жуковский и А. Ф. Воейков. Перевод «Садов» последним был встречен современниками сочувственно. По выражению А. А. Бестужева, в нем поэт «нередко живописен» [4], а П. А. Вяземский считал, что своими «Садами» Воейков «приготовил 〈...〉 новое явление в нашей поэзии» [5].

Среди книг В. А. Жуковского, хранящихся в Научной библиотеке Томского университета, имеются два издания «Садов»: парижское издание 1801 г. на французском языке [6] и изданный в 1816 г. в Петербурге перевод Воейкова [7]. Особый интерес для нас представляет французское издание, по которому работал переводчик. Это небольшая книжка в коричневом кожаном переплете в $^1/_8$ долю листа общим объемом в 216 страниц стихотворного текста и XXV страниц предисловия. На корешке наклеен характерный ярлычок с порядковым номером 31, какой имеется на большинстве книг из библиотеки поэта. Владельческой надписи Basile de

Joukovsky, часто встречающейся на книгах поэта, приобретенных им в ранний период (1800—1805), нет, что сразу позволяет предположить более позднее включение «Садов» в число книг личной библиотеки. Томик, судя по всему, был первоначально собственностью переводчика — А. Ф. Воейкова[8] и содержит многочисленные пометы и записи, сделанные владельцем.

Записи в книге можно разделить на две большие группы: 1) собственно дневниковые записи, касающиеся фактов личной жизни Воейкова и его семьи, друзей и знакомых, и 2) пометы и записи, имеющие отношение к переводу произведения Делиля. Как те, так и другие заметки в подавляющем большинстве случаев сделаны черными чернилами и хронологически достоверно охватывают период с 21 декабря 1808 по 21 ноября 1817 г. Это дает основание считать, что в библиотеку В. А. Жуковского книга попала не ранее конца 1817 г., хотя поэт и прежде не раз держал ее в руках и читал некоторые дневниковые записи, сделанные Воейковым на ее страницах, на что он сам указывает в письмах-дневниках 1814—1815 гг., опубликованных М. Гофманом[9].

Дневниковые записи Воейкова содержатся не только в «Садах» Делиля, но и на страницах некоторых других книг из библиотеки Жуковского. Они представляют несомненный интерес и достойны, как нам думается, отдельной публикации и специального исследования. В данном случае мы остановимся лишь на пометках и записях, непосредственно относящихся к работе переводчика над «Садами» Делиля.

Прежде всего из них мы узнаем, что к переводу поэмы А. Ф. Воейков приступил не позднее конца 1808 г. Так, на поле 54-й страницы читаем: «*1808 декабря 21-го переводил это место в селе Алексеевском*». Данная запись (хронологически самая ранняя из имеющихся в книге) не может считаться точной датой начала перевода произведения. Во-первых, еще в конце 1807 г. в 34-й части «Вестника Европы»[10] Воейковым был опубликован отрывок из поэмы «Сады» с подзаголовком — «подражание Делилю», но по существу являющийся переводом. Во-вторых, запись находится на 54-й странице книги, т. е. относится ко II песне «Садов», как бы «нарушая» последовательность расположения остальных, хронологически близких записей за 1809 г., общее число которых 16 и о которых подробно мы скажем несколько ниже. Вполне вероятно, что первоначально поэт не намеревался делать полного перевода и собирался познакомить русского читателя с одним или несколькими отрывками из произведения. Во всяком случае, следующий «Отрывок из Делилевой поэмы „Сады“ в переводе Воейкова появился в «Вестнике Европы» лишь через 3 года, в 1810 г.[11]

Работа над переводом всего произведения была завершена, как свидетельствует запись, 28 июня 1815 г., т. е. поэт работал над ним в общей сложности не менее 7 лет. Момент окончания труда точно зафиксирован автором в достаточно обширной дневниковой записи на 155-й, последней странице стихотворного текста: «*18 $\frac{VI}{28}$15. Город Дерпт. Дом графини Штакельберг. Утро 9 часов и 15 минут. В зале с матушкою. Окончен перевод сей поэмы. А Саша и Маша опочивали*».

Имеющиеся в «Les Jardins» пометы позволяют нам не только установить крайние даты работы над переводом, но и в определенной степени проследить сам процесс этого труда.

Прежде чем приступить к переводу, Воейков стремится точно представить себе объем предстоящей работы и тщательно подсчитывает количество строк во французском тексте, отмечая на полях каждую сотню стихов в I песне. Подсчет делался, видимо, в два этапа. Сначала с карандашом в руках переводчик подсчитывал стихи, отмечая количество сотен вертикальными черточками на полях: 100 — одна вертикальная черточка, 200 — две, 300 — три и т. д. В результате на 40-й странице цифрами было записано итоговое число 776. Потом поэт пересчитывает строки, вместо вертикальных черточек проставляет чернилами цифры от 100 до 700 (с. 6, 11, 16, 21, 25, 31, 36) и исправляет ошибочно подсчитанное ранее итоговое число на 778.

В дальнейшем подсчет стихов в тексте «Les Jardins» прекращается, что может быть предположительно объяснено тем, что первоначально поэт собирался ограничиться переводом только первой песни, которая, видимо, и была полностью переведена до декабря 1808 г. Косвенным подтверждением этого может служить факт появления в «Вестнике Европы» за 1807 г. отрывка из «Садов» в переводе Воейкова, представляющего собой 96 стихов из

I песни делилевой поэмы. Причем первые 16 стихов находятся на 3—4 страницах «Les Jardins», а 80 последующих — на 17—21 страницах, т. е. купюра внутри переводимой части составляет 276 стихов.

Опубликованный отрывок — своеобразное наставление читателю по устроению садов согласно требованиям разума и хорошего вкуса, начинающееся словами:

Когда хотите вы сады свои убрать;
Не золото, но вкус вам должно расточать.
(с. 254)

Завершают отрывок строки, в которых поэт выражает надежду, что созданный сообразно правилам сад будет иметь все необходимое:

Чтоб живописца кисть и вкус обогащались;
Чтоб тамо чувствовал восторг в душе поэт;
Чтоб в сад ходили к вам, оставя шумный свет,
Мудрец обдумывать, красавица рвать розы,
Счастливый вспоминать, несчастливый
лить слезы.
(с. 258)

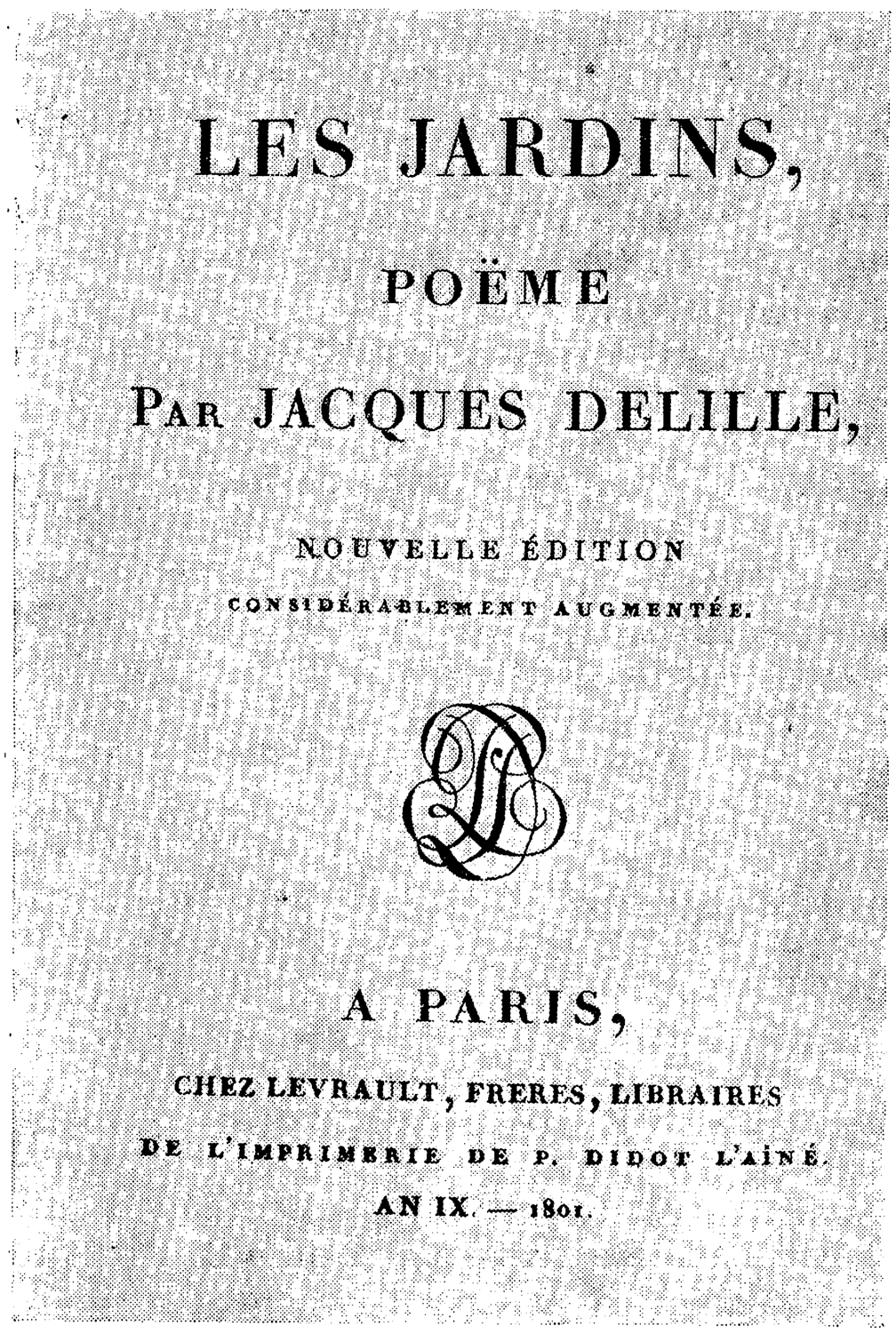
За всю историю журнальных публикаций перевода «Садов» к отрывкам из I песни поэт обращается 5 раз. Три отрывка из пяти, появившихся в «Вестнике», даже в одной из публикаций 1815 г. подвергаются при перепечатке в отдельном издании 1816 г. кардинальным изменениям, чего нельзя сказать о большинстве других частей поэмы, также предварительно публиковавшихся в журнале. Этот факт может быть еще одним подтверждением того, что вся I песня была переведена, во-первых, значительно раньше других и, во-вторых, не мыслилась переводчиком как начало работы над всем произведением. Не случайно только при первой публикации 1807 г. поэт дает к ней подзаголовок «подражание Делилю» и позволяет себе совершенно свободную компоновку текста, никак не оговаривая это в примечаниях, как то будет в отдельном издании.

Представляется вполне вероятным, что перевод первой песни был завершен до 1807 г., а к работе над остальной частью произведения Воейков приступил не менее чем через два года, приступил с новой творческой установкой: во-первых, перевести *все* произведение, во-вторых, перевести его за определенный срок (отсюда в дальнейшем появится довольно жесткая планировка), в-третьих, создать *перевод*, а не подражание.

Планомерная работа над произведением начинается только с января 1809 г., за 10 месяцев которого поэтом были переведены II, III и по крайней мере начата последняя, IV песня. Теперь поэт не подсчитывает общего количества стихов в песне, а четко планирует себе задание на каждый день, определяя приблизительный срок окончания сначала II, а потом и III песни. Так, на свободной части страницы (обычно на правом ее поле) он проставляет год и месяц (или только месяц), на который намечает исполнение перевода. На левом поле страницы после наименования месяца выставляются числа соответственно количеству дней в том или ином месяце. Так, на с. 46 поэт указывает: «Генварь, 1809». И далее с 46-й и кончая 52-й страницей относительно равномерно (по 4—5 дней на страницу в 20 стихотворных строк) распределяются числа от 1 до 31. После записи «Февраль» чисел соответственно 28 и т. д. Иногда наименование месяца подчеркивается, иногда — нет. Для наглядности приведем эти идущие подряд записи. В том случае, когда на одной странице имеется несколько разновременных записей, мы, отступив от последовательности расположения в книге, помещаем их в хронологической последовательности с указанием страницы, на которой они находятся [12].

Стр. Записи Войекова

46 Генварь. 1809.
52 Февраль.
54 1808 декабря 21-го переводил это место в селе Алексеевском.
61 Март.
69 Апрель.
70 1809. Февраль. 9. Переводил в Малом один.
76 Май.
80 Должно кончить сию песнь непременно 31 мая 1809 [13].
80 31 мая.
81 Июнь.
90 Июль.
97 Август.
104 Сентябрь.
110 1809 года в августе переводил сие место в Саратове.
111 Октябрь.
112 Кончена 30 августа 1809 в Саратове [14].
120 1809 в октябре переводил сие место в селе Перевесенках [15].
80 Кончил перевод II песни начисто в Дерпте $18\frac{VI}{15}15$ поутру в 8 часов.



LES JARDINS,

POËME

PAR JACQUES DELILLE,

NOUVELLE ÉDITION

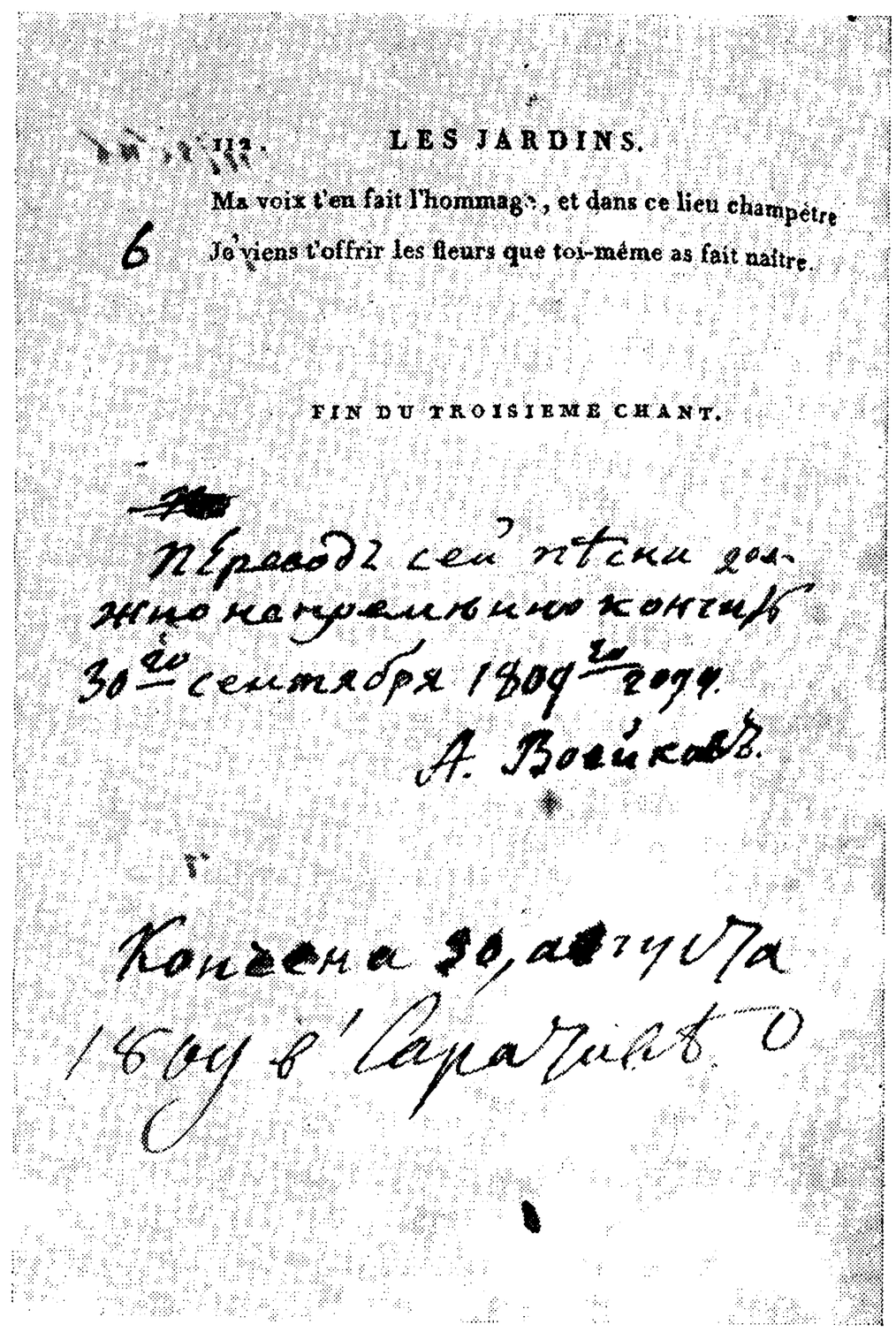
CONSIDÉRABLEMENT AUGMENTÉE.

A PARIS,

CHEZ LEVRAULT, FRERES, LIBRAIRES

DE L'IMPRIMERIE DE P. DIDOT L'AINÉ.

AN IX. — 1801.



LES JARDINS.

Ma voix t'en fait l'hommage, et dans ce lieu champêtre
Je viens t'offrir les fleurs que toi-même as fait naître.

FIN DU TROISIEME CHANT.

Перевод сей пѣсни должно натуральнымъ конечь 30ю сентября 1809го года.
А. Воейковъ.

Кончена 30 августа 1809 в Саратовѣ.

Титульный лист французского издания поэмы Ж. Делиля и записи А. Ф. Воейкова на 112 и 155 страницах книги об окончании перевода II песни и всей поэмы

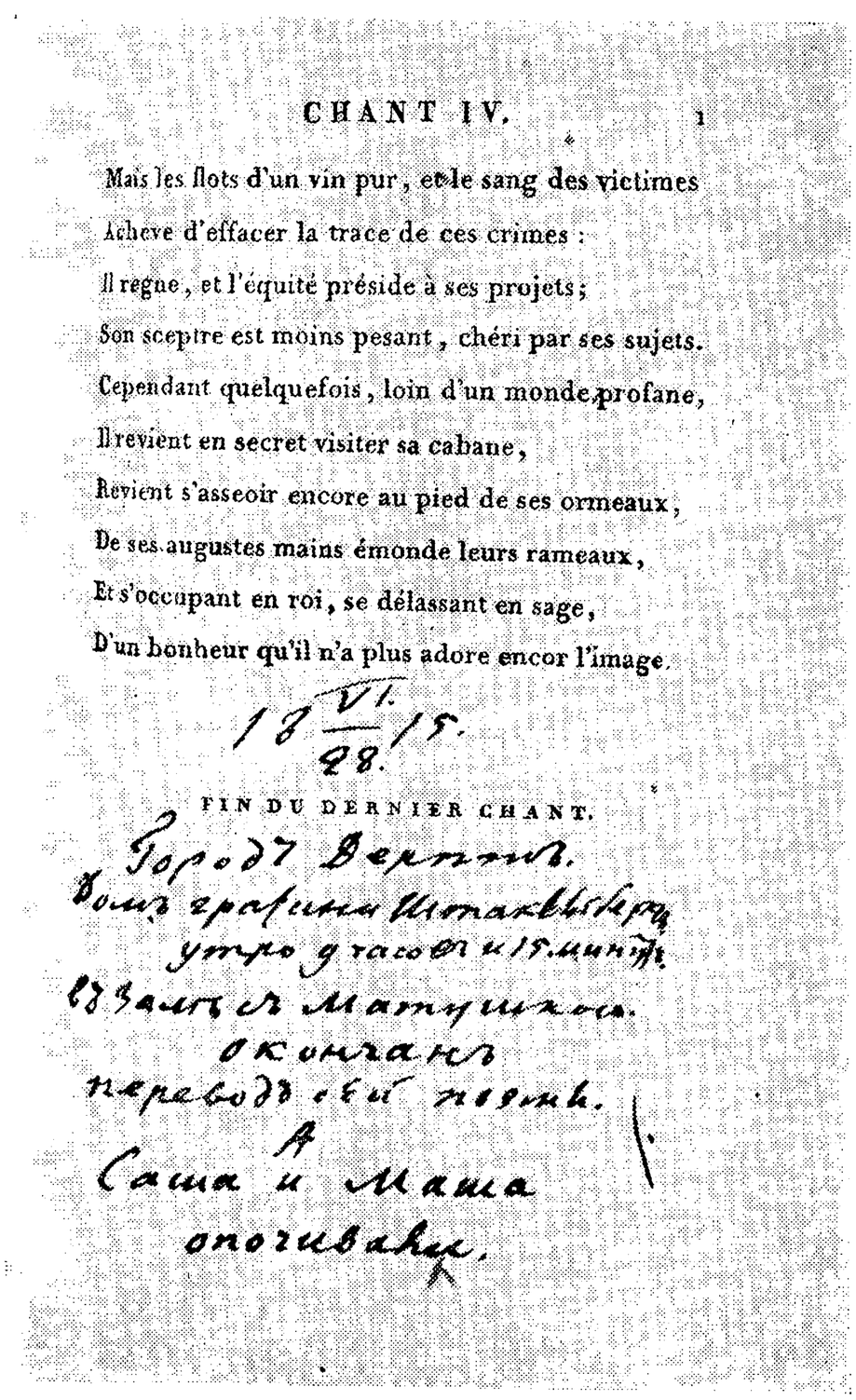
155 $18\frac{VI}{28}15$. Город Дерпт. Дом графини Штакельберг. Утро 9 часов и 15 минут. В зале с матушкою. Окончен перевод сей поэмы. А Саша и Маша опочивали.

То, что проставленные на полях даты (месяцы и дни) — планируемое время перевода, а не фиксация выполнения его, доказывается, во-первых наличием формы «*должно кончить*...», а во-вторых, расхождением в сроке, в который, судя по раскладке чисел, должно было кончить, например, III песню и в который она «*кончена*» (см. с. 111 и 112). Тройное подчеркивание даты 31 мая за 1809 г., вероятнее всего, заменило собой запись об окончании работы над песней именно в этот день. Это тем более вероятно, что дата записана несколько в стороне от остальных чисел, обозначающих дни месяца, а работа на последнюю неделю мая вообще не была спланирована.

Кажущееся на первый взгляд странным нарушение хронологии в записях, следующих по ходу страниц одна за другой, достаточно легко объяснимо. Очевидно, поэт, начав перевод в конце 1808 г., прервал его, быть может, под влиянием каких-то чисто внешних обстоятельств. (Так, судя по дневниковым записям, в это время Воейков постоянно разъезжает по Саратовской губернии.) Продолжить работу над «Les Jardins» он намеревался лишь с января будущего, 1809 г. С этой целью переводчик детально распланировал все ее этапы, по крайней мере применительно ко II песне. Однако продолжить свой труд он смог раньше и к 21 декабря 1808 г. продвинулся в переводе до 54-й страницы, что и зафиксировано в записи. Отсюда становится понятным и следующее несовпадение плана перевода с его фактическими темпами, отмеченное на с. 70. Те же или подобные им причины лежат в основе и остальных расхождений (с. 104, 110, 111, 112).

Рукописей Воейкова-переводчика не сохранилось. Поэтому пометки на «Les Jardins» являются в настоящее время единственным источником возможных, хотя и ограниченных, суждений о самом процессе перевода. О чем же говорят нам эти пометки?

По временной раскладке сделанной на



CHANT IV. 1

Mais les flots d'un vin pur, et le sang des victimes
Achève d'effacer la trace de ces crimes :
Il regne, et l'équité préside à ses projets;
Son sceptre est moins pesant, chéri par ses sujets.
Cependant quelquefois, loin d'un monde profane,
Il revient en secret visiter sa cabane,
Revient s'asseoir encore au pied de ses ormeaux,
De ses augustes mains émonde leurs rameaux,
Et s'occupant en roi, se délassant en sage,
D'un bonheur qu'il n'a plus adore encor l'image.

18 VI/15 98.

FIN DU DERNIER CHANT.

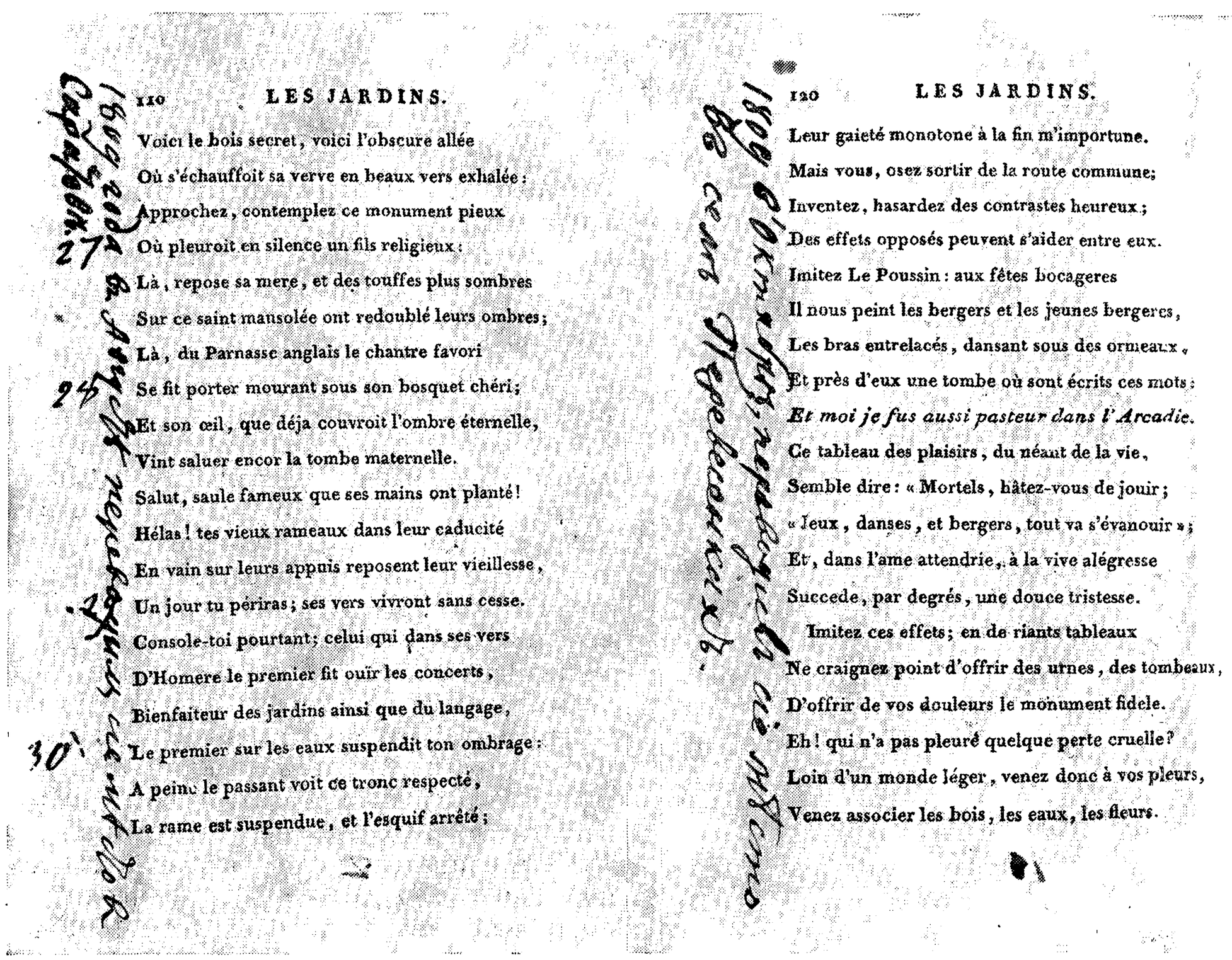
Городъ Дерптъ.
Домъ графини Штакельберг
утро 8 часовъ и 15 минутъ.
Вдвоемъ съ Матушкою.
Окончанъ
переводъ сей поэмы.
А
Саша и Маша
опочивали.

страницах II и III песен, когда в среднем на одну страницу текста (20 стихотворных строк) требовалось около 4 дней, перевод поэмы должен был бы растянуться почти на полтора года. Но исходя из соотношения времени, планируемого на перевод и фактически на него затраченного, видно, что он продвигался значительно быстрее, чем поэт предполагал вначале. И можно думать, что к концу 1809 г. перевод «Садов» Воейковым был вчерне завершен. Во всяком случае, ближайшая «деловая» пометка, хронологически непосредственно следующая за находящейся на 120-й странице записи от октября 1809 г., говорит о появлении у поэта новых творческих планов, связанных с переводами из римских авторов. На 187 с. «Les Jardins» он записывает: «*1809 года, декабря 1-го дня, в Перевесенках начал я учиться по латыни*». С этого момента и вплоть до июня 1815 г. о «Садах» Делиля среди имеющихся в нашем распоряжении дневниковых записей Воейкова не упоминается.

В то же время есть все основания считать, что работа над поэмой не прекратилась. И дело здесь не только в том, что начиная с апреля 1810 и вплоть до сентября 1815 г. в «Вестнике Европы» поэт ежегодно помещает 1—2, а в 1815 г. даже 4 отрывка из поэмы [16], но и в том, что многие из этих отрывков представляют собой *совершенно новый* этап его работы над «Садами» как целостным произведением. Так, в 1813 г. в 64-й части «Вестника» (№ 7—8) появилось «Описание русских садов (отрывок из поэмы Делиля „Сады“)», являющееся оригинальным созданием Воейкова и включенное позднее в отдельное издание поэмы [17]. 1813-м же годом помечен большой (92 стиха) «Отрывок из IV песни Делиловых „Садов“», опубликованный в 82-й части «Вестника» в 1815 г., имеющий в журнальном варианте следующую датировку: «*1813 года июля 13 дня. Астрахань*» (с. 17). Этот отрывок в текст отдельного издания поэмы вошел почти без всяких изменений, в то время как в некоторых других случаях журнальный вариант имеет существенные расхождения с текстом издания 1816 г. То же самое следует сказать и об опубликованном в 13-м номере «Вестника» за 1815 г. единственном отрывке из III песни, перевод которой, как отметил сам поэт, был завершен 30 августа 1809 г. в Саратове. Однако, публикуя в 1815 г. 136 стихов этой песни (см.: «Les Jardins», с. 90—95), Воейков датирует их следующим образом: «*1813 года августа 8-го. Кавказской губернии Шотландская колония Карав*».

Можно думать, что поэтом в это время уже было задумано отдельное издание «Садов», для чего он, будучи не совсем удовлетворен бо́льшей частью переведенных ранее отрывков, решает вновь выверить и отделать перевод, присовокупив к нему примечания, как имеющиеся в оригинале, так и свои, главным образом относящиеся к местам, подвергшимся значительной переделке при переводе. То, что свой первоначальный перевод поэт считал черновым и продолжал работать над его отделкой вплоть до середины 1815 г., подтверждается и записями, сделанными им на страницах «Les Jardins».

Как было уже указано, по свидетельству самого Воейкова, перевод II песни поэмы был намечен к окончанию и завершен 31 мая 1809 г. Однако на верхнем поле той же 80-й страницы есть еще одна запись: «*Кончил перевод II песни начисто в Дерпте* $18\frac{VI}{15}15$ *поутру в 8 часов*».



110 LES JARDINS.

Voici le bois secret, voici l'obscure allée
Où s'échauffoit sa verve en beaux vers exhalée :
Approchez, contemplez ce monument pieux
Où pleuroit en silence un fils religieux :
Là, repose sa mere, et des touffes plus sombres
Sur ce saint mausolée ont redoublé leurs ombres;
Là, du Parnasse anglais le chantre favori
Se fit porter mourant sous son bosquet chéri;
Et son œil, que déja couvroit l'ombre éternelle,
Vint saluer encor la tombe maternelle.
Salut, saule fameux que ses mains ont planté!
Hélas! tes vieux rameaux dans leur caducité
En vain sur leurs appuis reposent leur vieillesse,
Un jour tu périras; ses vers vivront sans cesse.
Console-toi pourtant; celui qui dans ses vers
D'Homere le premier fit ouïr les concerts,
Bienfaiteur des jardins ainsi que du langage,
Le premier sur les eaux suspendit ton ombrage :
A peine le passant voit ce tronc respecté,
La rame est suspendue, et l'esquif arrêté;

120 LES JARDINS.

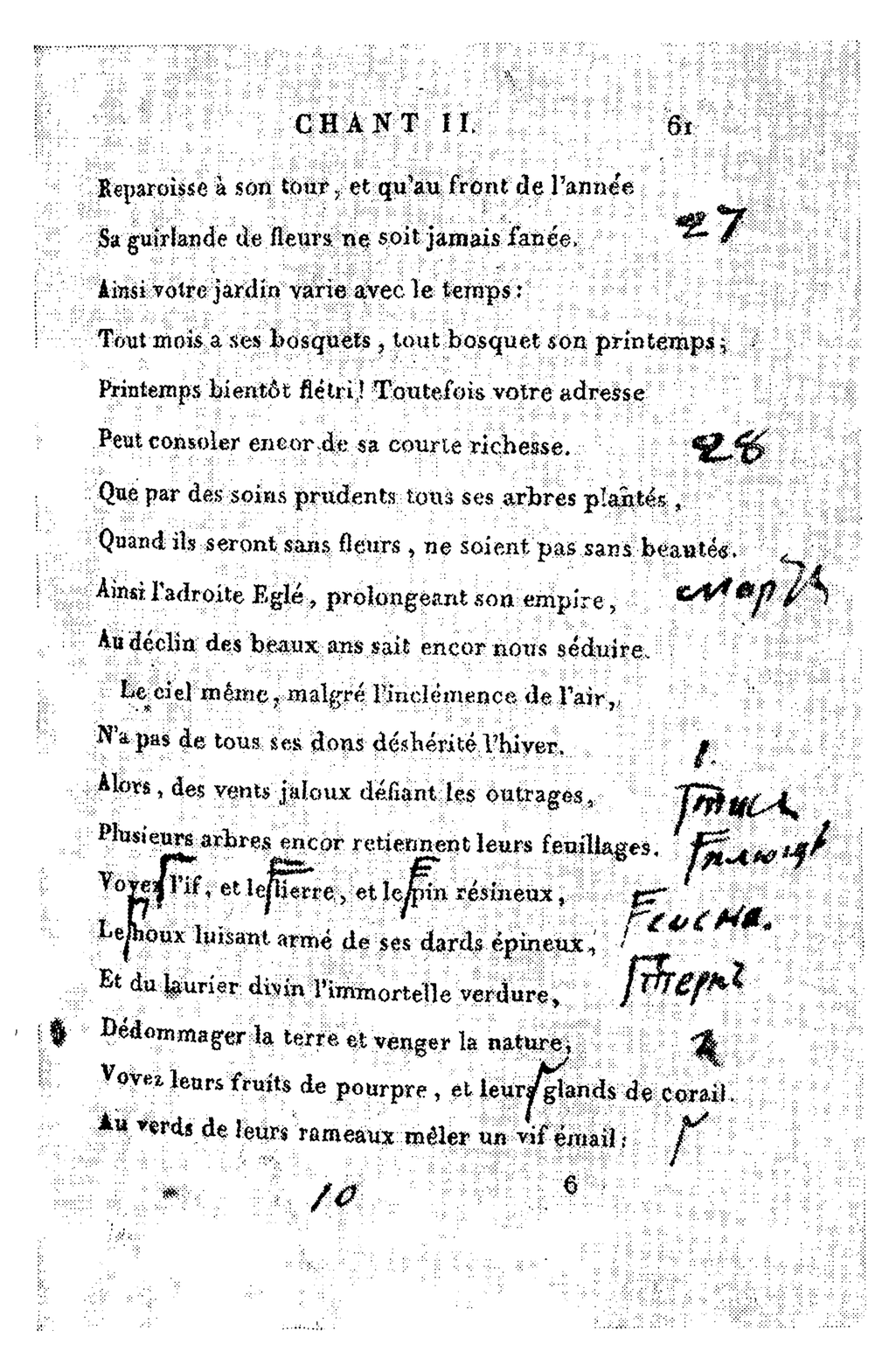
Leur gaieté monotone à la fin m'importune.
Mais vous, osez sortir de la route commune;
Inventez, hasardez des contrastes heureux;
Des effets opposés peuvent s'aider entre eux.
Imitez Le Poussin : aux fêtes bocageres
Il nous peint les bergers et les jeunes bergeres,
Les bras entrelacés, dansant sous des ormeaux,
Et près d'eux une tombe où sont écrits ces mots :
Et moi je fus aussi pasteur dans l'Arcadie.
Ce tableau des plaisirs, du néant de la vie,
Semble dire : « Mortels, hâtez-vous de jouir;
« Jeux, danses, et bergers, tout va s'évanouir »;
Et, dans l'ame attendrie, à la vive alégresse
Succede, par degrés, une douce tristesse.
Imitez ces effets; en de riants tableaux
Ne craignez point d'offrir des urnes, des tombeaux,
D'offrir de vos douleurs le monument fidele.
Eh! qui n'a pas pleuré quelque perte cruelle?
Loin d'un monde léger, venez donc à vos pleurs,
Venez associer les bois, les eaux, les fleurs.

Дневниковые записи, перевод отдельных слов и разметка по месяцам (март) и числам французского текста на страницах поэмы Делиля, сделанные А. Ф. Воейковым

А через 13 дней на последней странице поэмы поэт с точностью до часов и минут отметит окончание работы над всем произведением: «*18 $\frac{VI}{28}$ 15. Город Дерпт.* ⟨...⟩ *Утро 9 часов и 15 минут.* ⟨...⟩ *Окончен перевод сей поэмы.* ⟨...⟩».

В этих последних записях обращает на себя внимание необычайная быстрота работы переводчика над текстом, даже если принять во внимание, что это был «перевод начисто», что существовал уже готовый черновой вариант. Две песни (III и IV) поэт закончил менее чем за две недели. Но эта необычная скорость работы, как нам кажется, подтверждает наше предположение, что многие публиковавшиеся в журнале отрывки из поэмы уже были подвергнуты переработке и при подготовке поэмы к отдельному изданию нуждались лишь в небольшой редакторской правке.

Кроме записей дневникового характера, фиксирующих отдельные этапы работы, в тексте книги имеются любопытные заметки, отражающие, если так можно выразиться, техническую сторону перевода. Так, на многих страницах I, II и III песен переводчик прямо над некоторыми французскими словами или чаще с помощью корректурных знаков на полях дает перевод этих слов, часто выписывая не одно, а несколько их значений. Так, на с. 44 (строка 9 сверху), обозначив корректурным значком французское la touffes, он на полях под тем же знаком записывает: «*куча, купы, чаща, пучок*». На с. 67 (строка 3 сверху) тем же способом к слову le pampre даются значения: «*кисть, лоза, гроздь*». К французскому les bouillons, в данном контексте имеющему значение «пузыри (при кипении), бурление» переводчик дает следующий набор близких по значению слов: «*вал, волна, струя, влага, хлябь, вода, бездна, тревога*» (с. 72). Подобных примеров в тексте «Les Jardins» много. В окончательный вариант перевода такие «заготовки» могут совсем не войти. Для выражения поэтической мысли Воейков часто находит иной, еще более удачный, с его точки зрения, вариант. Однако любопытен уже сам факт столь тщательного поиска необходимых средств выразительности,



CHANT II. 61

Reparoisse à son tour, et qu'au front de l'année
Sa guirlande de fleurs ne soit jamais fanée.
Ainsi votre jardin varie avec le temps:
Tout mois a ses bosquets, tout bosquet son printemps;
Printemps bientôt flétri! Toutefois votre adresse
Peut consoler encor de sa courte richesse.
Que par des soins prudents tous ses arbres plantés,
Quand ils seront sans fleurs, ne soient pas sans beautés.
Ainsi l'adroite Eglé, prolongeant son empire,
Au déclin des beaux ans sait encor nous séduire.
Le ciel même, malgré l'inclémence de l'air,
N'a pas de tous ses dons déshérité l'hiver.
Alors, des vents jaloux défiant les outrages,
Plusieurs arbres encor retiennent leurs feuillages.
Voyez l'if, et le lierre, et le pin résineux,
Le houx luisant armé de ses dards épineux,
Et du laurier divin l'immortelle verdure,
Dédommager la terre et venger la nature;
Voyez leurs fruits de pourpre, et leurs glands de corail,
Au verds de leurs rameaux mêler un vif émail;

6

свидетельствующий, с одной стороны, о большом внимании переводчика к оригиналу, а с другой — о попытке найти более адекватную (не в буквальном, а в поэтическом отношении) форму передачи французского текста.

Особенно часто поэт выписывает с помощью разнообразных корректурных знаков названия растений и животных, обильно представленные в поэме. Например, на 57-й странице таких записей 3 (le frêne — *ясень*, le saule — *ива*, le peuplie — *тополь*), на 6-й — 4 (l'if — *тис*, le lierre — *плющ*, le pin — *сосна*, le houx — *терн*), на странице 105—3 (la tanche — *линь*: le perche — *окунь*, l'anguill — *угорь*) и т. д.

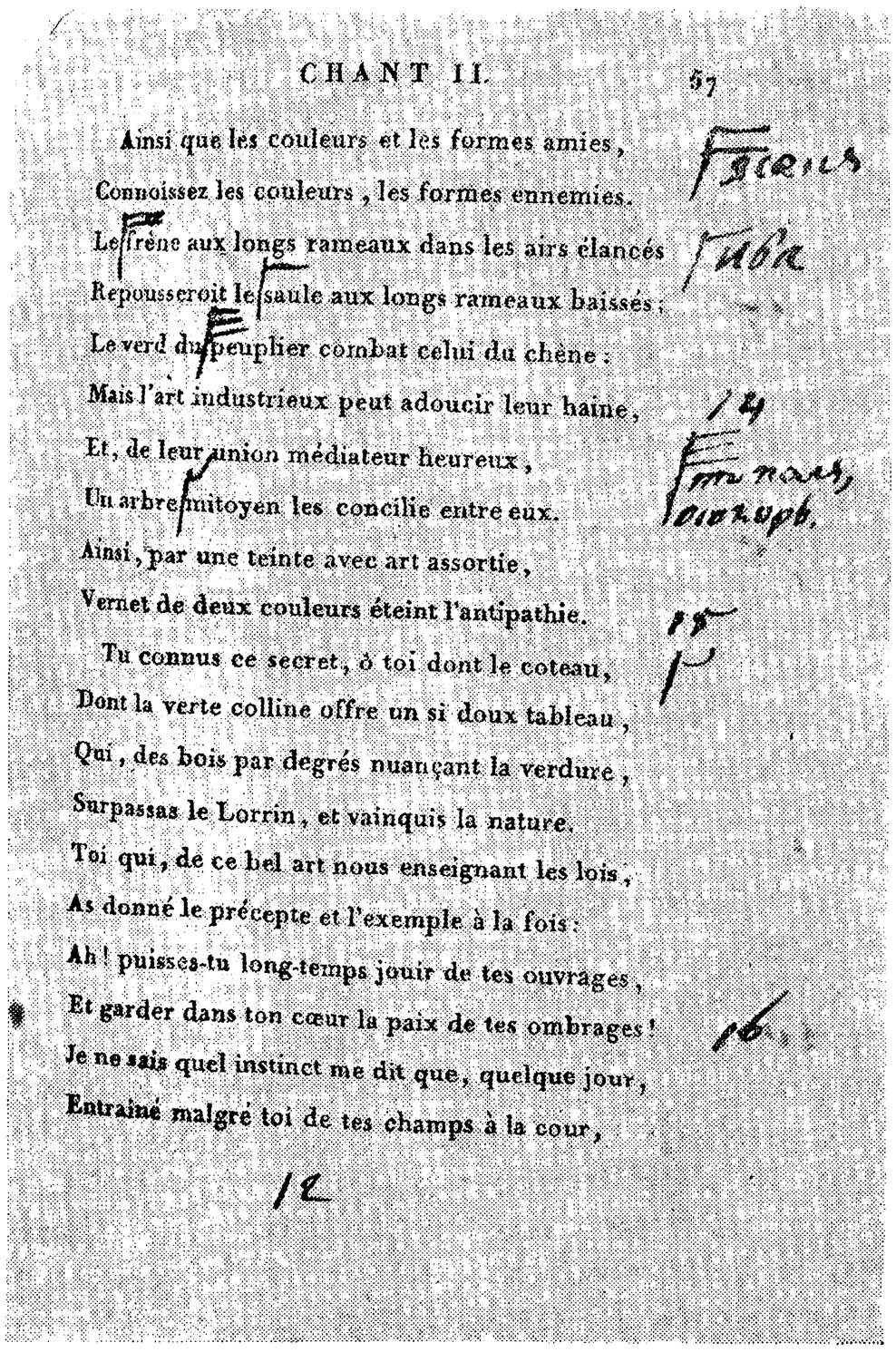
В некоторых случаях переводчик пытается к употребляемым автором однокоренным словам подобрать русские синонимы, более разнообразные в своем звучании, чем французские слова. Так, на с. 54—55 Делиль для описания некогда тенистых лесов Версаля многократно употребляет слова с корнем ombr: l'ombrage, ombrage, l'ombre, les ombrages, l'ombre. И лишь два раза — близкие им в данном контексте по смыслу l'asyle и la chevelure. Воейков, пронумеровав приведенные слова и пометив все их одним и тем же корректурным значком, выносит этот значок на верхнее поле 55-й страницы и под ним записывает: «*тень, сень, свес, навес, свод, намет, шатер, кров, покров*».

Это внимание к отдельным, часто, казалось бы, мелким деталям, стремление передать все возможные оттенки и варианты этих деталей при описании картин природы, несомненно, заданы самим оригиналом, самим жанром описательной поэмы, в которой отразился возрастающий интерес человека к окружающему его миру, познать который, как казалось, можно лишь с позиций разума и только «остановив мгновенье», т. е. классифицировав и расставив все по законам гармонии, симметрии и единства.

Отсутствие движения в самом предмете, рамки которого дополнительно ограничены требованиями эстетики классицизма, должно было как бы «компенсироваться» сменой деталей, подвижностью, вариативностью их сочетаний, способными в какой-то мере создать впечатление не только гармонии и соразмерности всех частей, но и разнообразия, богатства изображаемого мира. К достижению этих же целей стремится и переводчик.

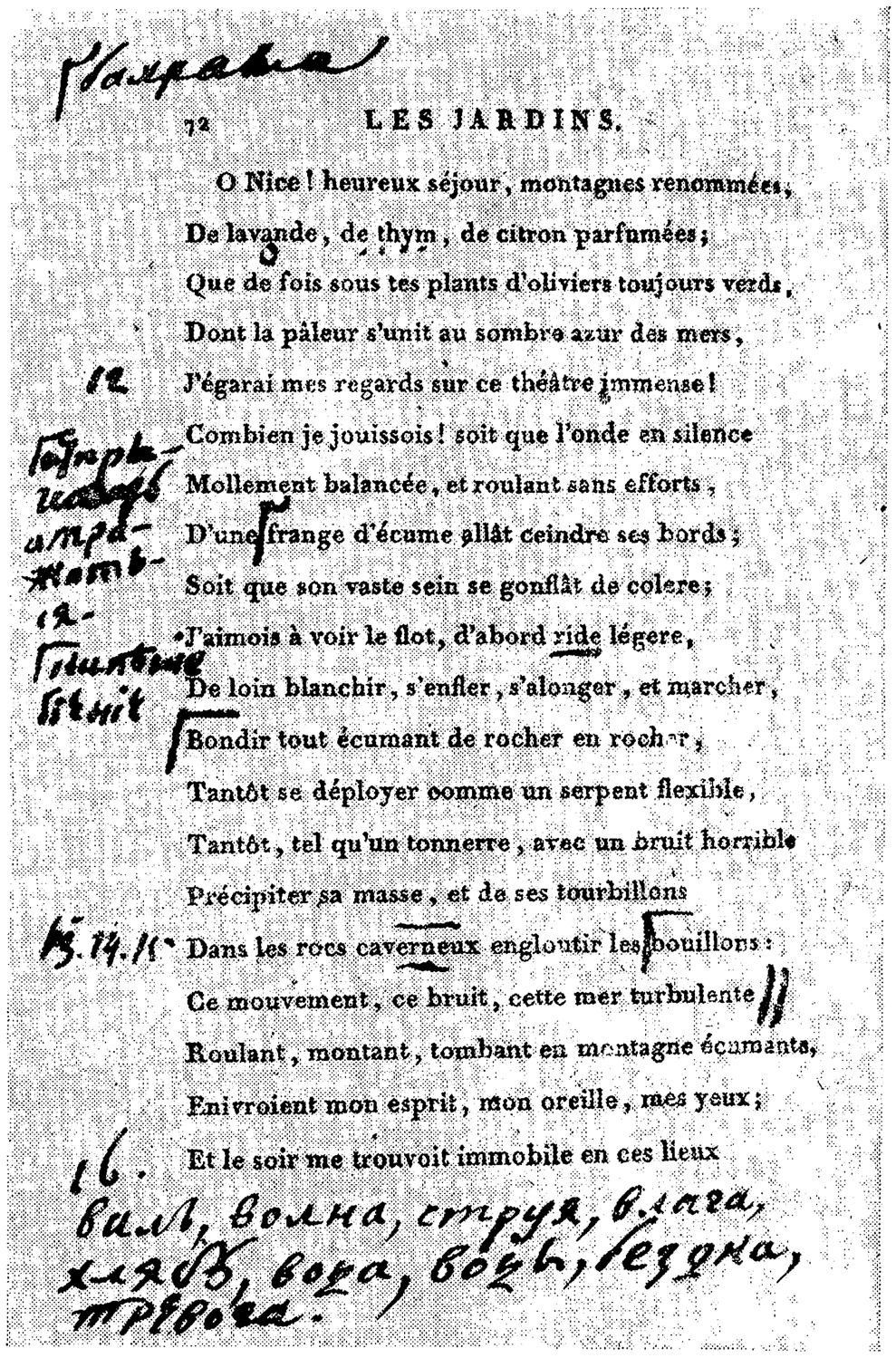
Помимо вышеуказанных достаточно красноречивых надписей и помет, в книге содержатся отчеркивания в виде своеобразной скобки, охватывающей от нескольких строк (с. 2) до нескольких страниц (с. 33—40, 115—117). Кроме того, на 124—125-й страницах переводчик вычеркнул вертикальной чертой прямо по тексту 22 строки и не включил их в перевод. Каков смысл этих отчеркиваний и почему переводчик, несколько расширивший общий объем произведения [18], в том числе и за счет включения развернутого описания русских садов, отказался от перевода некоторых его частей?

Произведение Делиля выходило дважды [19]. Как следует из примечания, сделанного переводчиком в отдельном издании поэмы, он был знаком с обоими изданиями и полагал, что некоторые из внесенных Делилем дополнений «не имеют ни пиитического жара, ни отделки, которою стихи этого поэта отличаются» («Сады», 169). Очевидно, Воейков для каких-то целей пытался сделать сравнение изданий, отмечая на полях книги с помощью скобки отрывки, отсутствующие в более раннем издании. Однако это сравне-



CHANT II. 57

Ainsi que les couleurs et les formes amies,
Connoissez les couleurs, les formes ennemies.
Le frêne aux longs rameaux dans les airs élancés
Repousseroit le saule aux longs rameaux baissés;
Le verd du peuplier combat celui du chêne:
Mais l'art industrieux peut adoucir leur haine,
Et, de leur union médiateur heureux,
Un arbre mitoyen les concilie entre eux.
Ainsi, par une teinte avec art assortie,
Vernet de deux couleurs éteint l'antipathie.
Tu connus ce secret, ô toi dont le coteau,
Dont la verte colline offre un si doux tableau,
Qui, des bois par degrés nuançant la verdure,
Surpassas le Lorrin, et vainquis la nature.
Toi qui, de ce bel art nous enseignant les lois,
As donné le précepte et l'exemple à la fois:
Ah! puisses-tu long-temps jouir de tes ouvrages,
Et garder dans ton cœur la paix de tes ombrages!
Je ne sais quel instinct me dit que, quelque jour,
Entraîné malgré toi de tes champs à la cour,



72 LES JARDINS.

O Nice! heureux séjour, montagnes renommées,
De lavande, de thym, de citron parfumées;
Que de fois sous tes plants d'oliviers toujours verds,
Dont la pâleur s'unit au sombre azur des mers,
J'égarai mes regards sur ce théâtre immense!
Combien je jouissois! soit que l'onde en silence
Mollement balancée, et roulant sans efforts,
D'une frange d'écume allât ceindre ses bords;
Soit que son vaste sein se gonflât de colere;
J'aimois à voir le flot, d'abord ride légere,
De loin blanchir, s'enfler, s'alonger, et marcher,
Bondir tout écumant de rocher en rocher,
Tantôt se déployer comme un serpent flexible,
Tantôt, tel qu'un tonnerre, avec un bruit horrible
Précipiter sa masse, et de ses tourbillons
Dans les rocs caverneux engloutir les bouillons:
Ce mouvement, ce bruit, cette mer turbulente
Roulant, montant, tombant en montagne écumante,
Enivroient mon esprit, mon oreille, mes yeux;
Et le soir me trouvoit immobile en ces lieux

Страницы «Les Jardins с корректурными знаками и переводом отдельных слов, сделанными А. Ф. Воейковым. Цифры на полях — распределение текста по дням на март (с. 67) и апрель 1809 г.

ние редакций, видимо, затронуло только I песню и было прекращено ввиду очень больших расхождений между изданиями [20], коснувшихся как включения совершенно новых частей в поэму, так и создания новых вариантов отдельных строф и строк. Видимо, в ходе этого сравнения появилась в самом начале I песни («Les Jardins», с. 2) скобка, охватывающая 7 строк, имеющихся только во втором издании. В конце песни на последних 7 страницах тем же способом выделено подряд 134 стиха («Les Jardins», с. 33—40), отсутствующие в первом издании и не включенные в перевод. В то же время знак скобки, еще раз встречающийся на с. 115—117 «Les Jardins», в системе сравнительно немногочисленных знаков переводчика имеет, очевидно, значение какого-то исключения или изъятия, если не осуществленного, как в случае с текстом на с. 33—40, то по крайней мере предполагавшегося, как на с. 115—117. Тогда возникает вопрос: что же Воейков не включает в свой перевод?

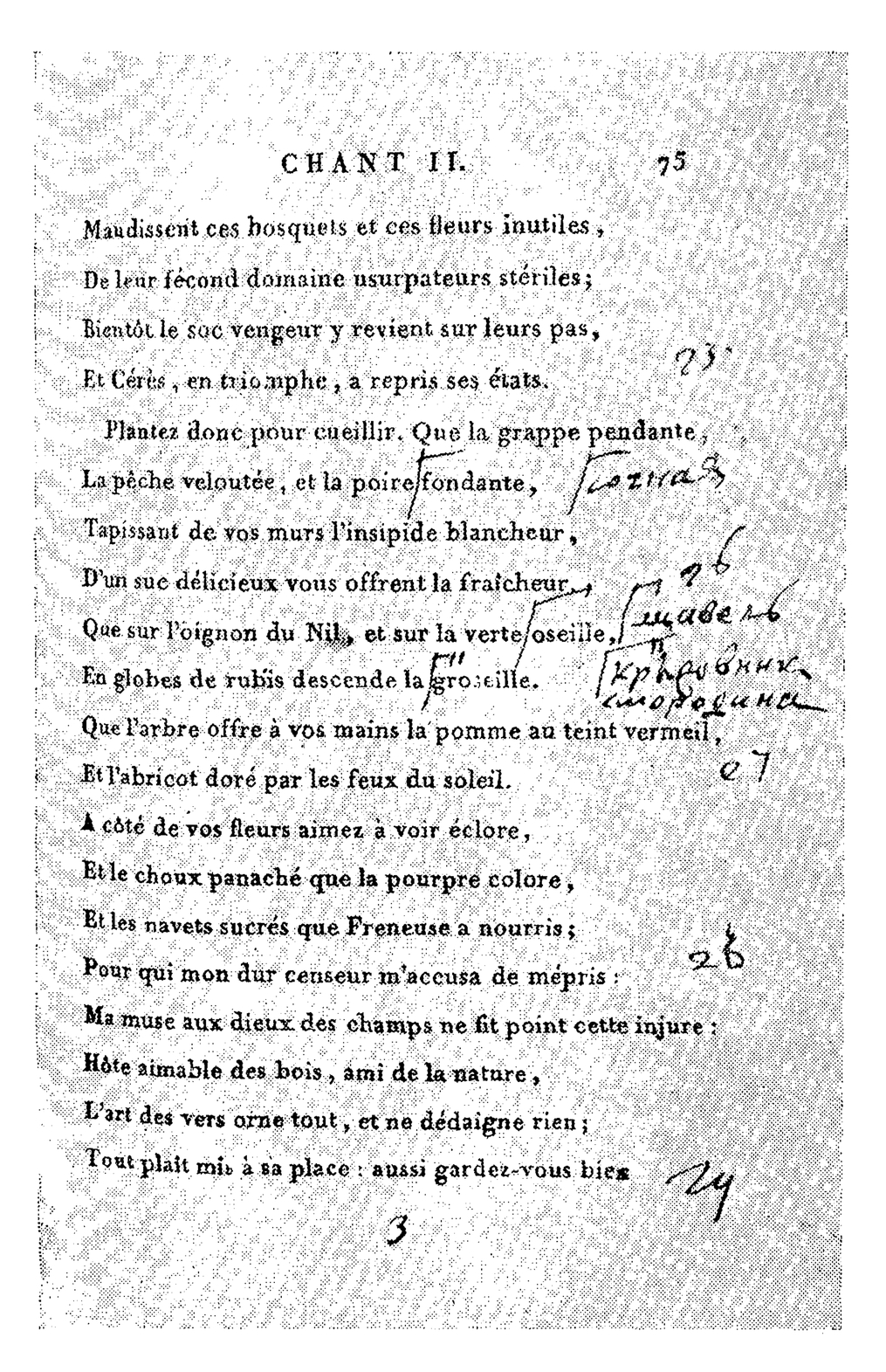
При ближайшем рассмотрении оказывается, что исключенные переводчиком части, которые он «не рассудил за благо перелагать», не просто описания картин природы, а своего рода «лирические отступления» автора, а точнее — авторские рассуждения по поводу изображаемого, часто изобилующие риторическими вопросами и восклицаниями, рассуждения, в которых тем не менее в бо́льшей мере, чем в других частях поэмы, ощутимо авторское, субъективное отношение к предмету изображения. Так, I песня в первом издании Делиля завершается описанием садов Эдема, непосредственно после которого во втором издании следуют строки:

Ach! si le paix de champs, si leurs heureux loisirs
N'étoient pas le plus pur, le plus deux de plaisirs,
D'ou vindoit sur nos coeurs leurs secrete puissance?
(c. 33) [21]

И далее в этой же части поэмы читаем:

Que dis-je? au doux repos invitant de grands coeurs,
Un jardin quelquefois fut le prix des vainquers.
(c. 34)

. . . . . .



CHANT II. 75

Maudissent ces bosquets et ces fleurs inutiles,
De leur fécond domaine usurpateurs stériles;
Bientôt le soc vengeur y revient sur leurs pas,
Et Cérès, en triomphe, a repris ses états.
Plantez donc pour cueillir. Que la grappe pendante,
La pêche veloutée, et la poire fondante,
Tapissant de vos murs l'insipide blancheur,
D'un suc délicieux vous offrent la fraîcheur,
Que sur l'oignon du Nil, et sur la verte oseille,
En globes de rubis descende la groseille.
Que l'arbre offre à vos mains la pomme au teint vermeil,
Et l'abricot doré par les feux du soleil.
A côté de vos fleurs aimez à voir éclore,
Et le choux panaché que la pourpre colore,
Et les navets sucrés que Freneuse a nourris;
Pour qui mon dur censeur m'accusa de mépris:
Ma muse aux dieux des champs ne fit point cette injure:
Hôte aimable des bois, ami de la nature,
L'art des vers orne tout, et ne dédaigne rien;
Tout plait mis à sa place: aussi gardez-vous bien

Si J'y viens des vieux temps retrouver la mémoire,
Je songe, ô Rosamonde, à ta touchante histoire;
De Rose, mieux que toi, qui mérita le nom?

. . . . . .

Ach! malheureux objet et de haine et d'amour,
Tu n'es plus; mais ton ombre habite ce séjour...
(c. 35) [22]

Такой же характер повествования находим и в вычеркнутом и не переведенном Воейковым отрывке на страницах 124—125 «Les Jardins» [23], где автор говорит о величии подлинных памятников греческой и римской культуры, противопоставляя их надуманному и бессмысленному, с его точки зрения, нагромождению разностильных архитектурных сооружений, создаваемых в подражание древним. Делиль, в частности, пишет:

Qui peut voir, sans songer à vos vertus publiques,
Ce monument sacré des vertus politiques?
Salut, temple des arts, temple de l'amitié!..
Mais quoi! je n'y vois point l'autel de la pitié!
Qui pourtant mieux que vous connut sa douce flamme?
Ach! s'il n'est dans ces lieux, son templ est dans notre ame [24].

Т. е. и здесь мы видим не *описание* садов, полей, лесов или других поэтических уголков природы, а авторские размышления, авторские медитации, не лишенные определенной доли эмоциональности, хотя выражается это в несколько риторической и напыщенной форме.

Вероятно, ввиду бóльшего, чем в других частях поэмы, «личностного начала» в отрывке на страницах 115—117 «Les Jardins», где автор, кратко упомянув об изменениях в правилах планировки садов, продиктованных временем («Autre temps, autre goût»), выражает свое неприятие излишеств новой моды, превращающей поэтическую неправильность линий в ужасный лабиринт, переводчик выделяет часть текста скобкой, возможно, первоначально имея намерение отказаться от его перевода. Отрывок начинается строкой «Dans leurs formes encore fuyez tout vaine système...» и заканчивается стихом: «Tourmente, et le terrain, et mes pas, et mes yeux». В перевод отрывок вошел, но переводчик усилил назидательный, поучающий тон в нем, изменив степень императивности глагола:

Делиль

Dans leurs formes encore fuyez tout vaine système,
Enfant du mauvais goût, par la mode adopté.

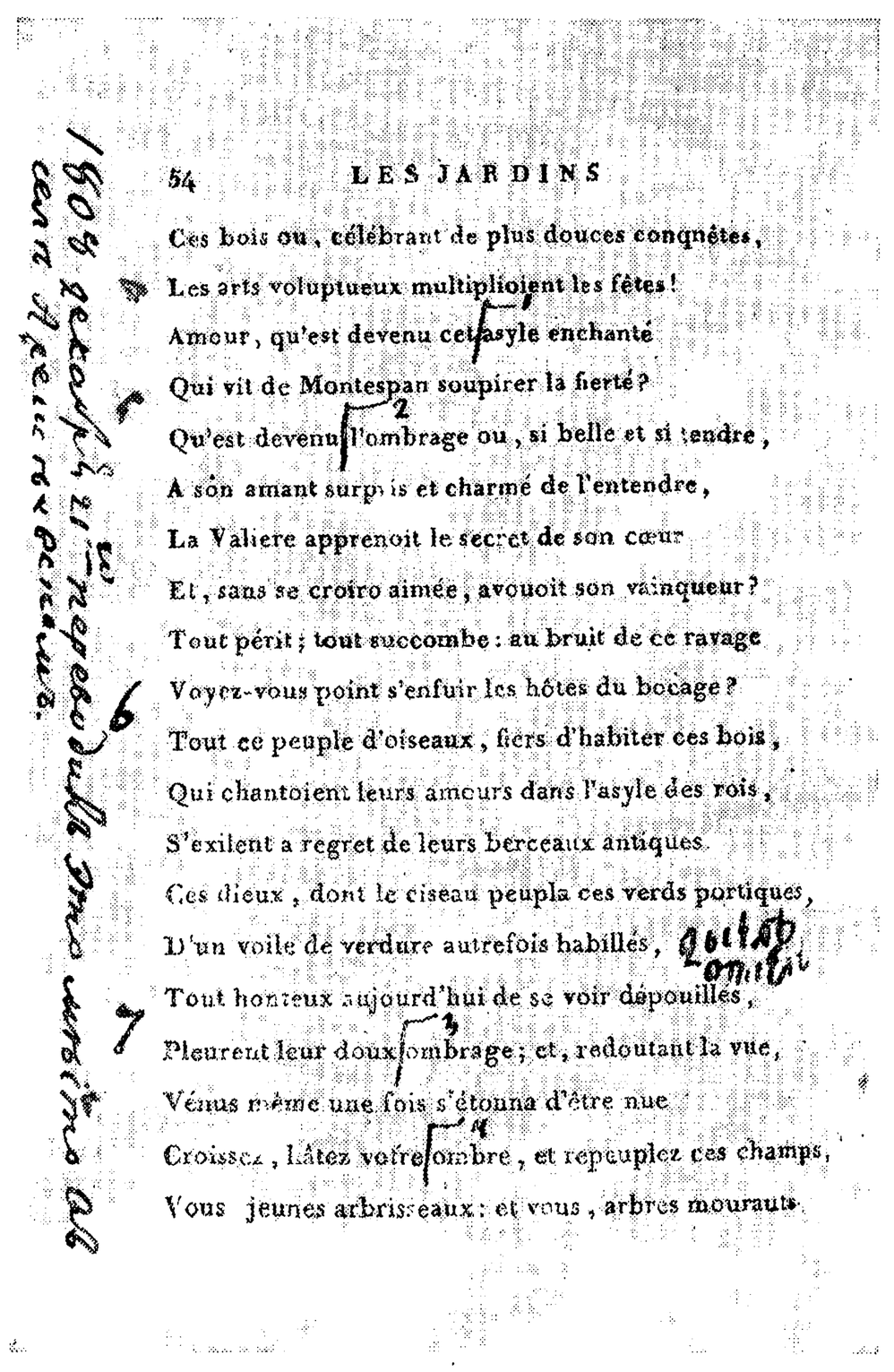
Перевод Воейкова

Отбрось же правила школярского ученья:
Вкус грубый создал их, обычай странный ввел.

Кроме того, в переводе оказалось сглажено многократно выраженное в оригинале указание на личностный характер восприятия автором новой моды в устроении садов, повествование становится более спокойным и не выпадает из общей эпической манеры изложения:

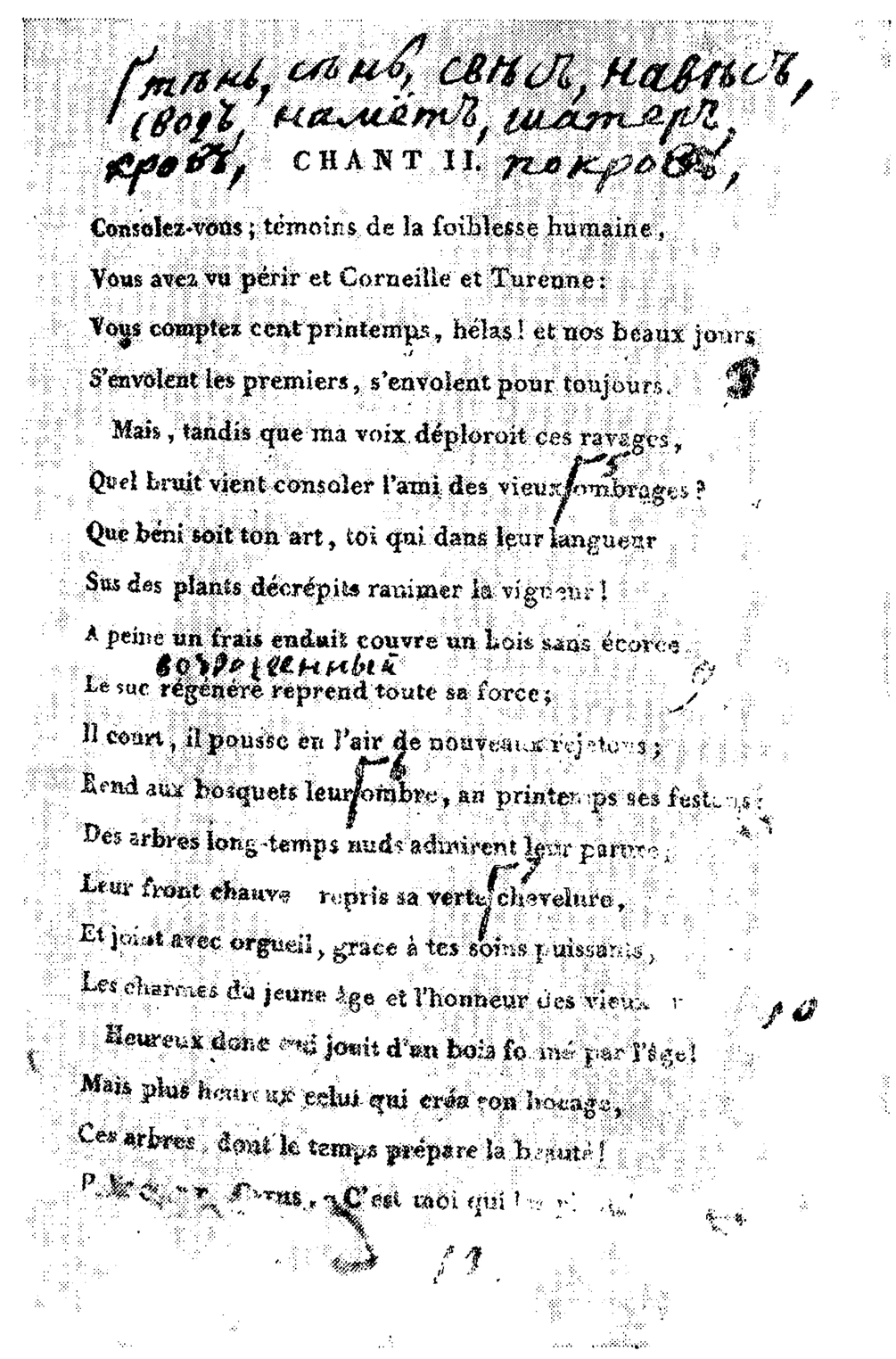
Mais rendez naturel ce dédale factice,
Qu'il ait l'air du besoin, et non pas du caprice;
Que divers accidents recontrés dans son cours,
Les bois, les eaux, le sol, commandent ses detours.
Dans leur forme j'exige une heureuse souplesse;
Des longs alignements si je hais la tristesse,
Je hais bien plus encore le curs embarassé
D'un sentier qui, pareil à ce serpent blessé,
En replis convulsifs sans cesse s'entrelace,
De detours redoublés m'inquiéte, me lasse,
Et sans variété, brusque et capricieux,
Tourmente, et le terrain, et mes pas, et mes yeux.

Но лабиринт такой ты выставить умей
Необходимостью, не прихотью своей.



54 LES JARDINS

Ces bois ou, célébrant de plus douces conquêtes,
Les arts voluptueux multiplioient les fêtes!
Amour, qu'est devenu cet asyle enchanté
Qui vit de Montespan soupirer la fierté?
Qu'est devenu l'ombrage ou, si belle et si tendre,
A son amant surpris et charmé de l'entendre,
La Valiere apprenoit le secret de son cœur
Et, sans se croire aimée, avouoit son vainqueur?
Tout périt; tout succombe: au bruit de ce ravage
Voyez-vous point s'enfuir les hôtes du bocage?
Tout ce peuple d'oiseaux, fiers d'habiter ces bois,
Qui chantoient leurs amours dans l'asyle des rois,
S'exilent a regret de leurs berceaux antiques.
Ces dieux, dont le ciseau peupla ces verds portiques,
D'un voile de verdure autrefois habillés,
Tout honteux aujourd'hui de se voir dépouillés,
Pleurent leur doux ombrage; et, redoutant la vue,
Vénus même une fois s'étonna d'être nue.
Croissez, hâtez votre ombre, et repeuplez ces champs,
Vous jeunes arbrisseaux: et vous, arbres mourants



CHANT II.

Consolez-vous; témoins de la foiblesse humaine,
Vous avez vu périr et Corneille et Turenne:
Vous comptez cent printemps, hélas! et nos beaux jours
S'envolent les premiers, s'envolent pour toujours.
Mais, tandis que ma voix déploroit ces ravages,
Quel bruit vient consoler l'ami des vieux ombrages?
Que béni soit ton art, toi qui dans leur langueur
Sus des plants décrépits ranimer la vigueur!
A peine un frais enduit couvre un bois sans écorce,
Le suc régénéré reprend toute sa force;
Il court, il pousse en l'air de nouveaux rejetons;
Rend aux bosquets leur ombre, au printemps ses festons;
Des arbres long-temps nuds admirent leur parure;
Leur front chauve a repris sa verte chevelure,
Et joint avec orgueil, grace à tes soins puissants,
Les charmes du jeune âge et l'honneur des vieux ans.
Heureux donc celui jouit d'un bois formé par l'âge!
Mais plus heureux celui qui créa son bocage,
Ces arbres, dont le temps prépare la beauté!
[illegible] C'est moi qui [illegible]

Дневниковая запись и пометки А. Ф. Воейкова на с. 54–55 «Les Jardins». Цифры на полях — числа февраля 1809 г., на которые намечался перевод этой части

Как будто рвы, чаща, болотистые воды
Заставили тебя соделать тут обходы.
Приятной гибкости я требую от них,
И не любя аллей и длинных и прямых,
Я более еще дорогу ненавижу,
В которой грубое одно кривлянье вижу,
Которая, как змий израненный вертясь,
И судорожными порывами томясь,
Перевивается, меняет направленье,
И делает глазам, ногам, земле мученье.

Создавая перевод Делилевой поэмы, Воейков, очевидно, хотел не просто ознакомить русского читателя с произведением французского автора, но дать своеобразный образец жанра описательной поэмы, образец, который, как нам думается, был одним из этапов общих поисков того времени в плане создания поэмы. Именно по этой причине переводчик по возможности убирает из текста те части, которые кажутся ему излишне эмоционально насыщенными.

Интересно отметить, что приведенный выше отрывок — единственный в тексте «Les Jardins», где на полях книги переводчиком в порядке расположения, столбиком, через запятую записаны рифмы последних 8 строк: «*в них, прямых, ненавижу, вижу, вертясь, томясь, направленье, мученье*». Эта запись сделана карандашом в отличие от большинства других, сделанных чернилами. Поскольку она в своем роде единственная, то делать на ее основе какие-либо замечания о характере работы переводчика над рифмой не представляется возможным.

Не совсем ясным остается и смысл небольших значков в виде букв *м*, *ж* или даже *муж*, изредка проставляемых переводчиком на полях «Les Jardins». Предположительно эти значки могут обозначать мужские и женские рифмы. Однако со значением клаузул во французском тексте они не всегда совпадают, но, как правило, отражают характер рифмы в соответствующей строке перевода. Поэтому можно думать, что, поскольку в ряде случаев количество строк в оригинале и в переводе различно, поэт обозначал ими для себя стихи, которые, как ему казалось, в переводе непременно нужно завершить той или иной рифмой.

Таким образом, пометки и записи

А. Ф. Воейкова на французском издании поэмы Делиля из библиотеки В. А. Жуковского приоткрывают новую страницу в истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XIX в. До сих пор во всей известной нам литературе перевод «Садов» Воейковым (несмотря на наличие журнальных публикаций) относили к 1816 г. Дневниковые записи и пометы переводчика в книге Делиля позволяют более точно датировать время работы над произведением, которая, как явствует из его заметок, проходила в несколько этапов и сопровождалась тщательным и кропотливым изучением разных изданий поэмы.

Из представленных материалов видно, что начало работы Воейкова над переводом относится ко времени не позднее декабря 1808 г. Завершение его первого варианта приходится на конец ноября 1809 г. Именно с этого момента поэт начинает регулярную публикацию отрывков из поэмы в «Вестнике Европы». Некоторые из этих отрывков подвергнутся существенной переработке при подготовке отдельного издания «Садов». Детальное сопоставление журнальных публикаций с окончательным текстом перевода в издании 1816 г., как нам думается, может дать возможность в будущем поставить вопрос об определенной эволюции переводческих принципов поэта.

Весьма показательным не только для эстетической, но и общественной позиции Воейкова является опубликование им в 1813 г. «Описания русских садов», хотя и имеющего подзаголовок «отрывок из поэмы „Сады“», но являющегося оригинальным созданием русского поэта. В этом обширном «Описании», заменившем в отдельном издании перевода поэмы 12 «весьма неудовлетворительных для русской публики» делилевских строк, автор не только восхваляет поэтические уголки России (природное роскошество которых часто, как считают специалисты, превосходит сады Неаполя и Сицилии[25]), но акцентирует внимание именно на тех из них, с которыми в сознании читателя ассоциируются воспоминания о героических страницах русской истории. Это и Коломенский дворец, и «волшебством созданный чертог и сад Тавриды»:

Чесма и Гатчино и дивный Петергоф. ⟨...⟩
Где Петр свой каждый шаг означил
чудесами, ⟨...⟩
Так быстро создал флот, полки,
престольный град,
Россию превратил в великолепный сад.

Поэт особо останавливается на описании садов в окрестностях Москвы, упоминая Архангельское, Кусково, Люблино:

Нескушное, отколь с чертогами, с церквами
Великая Москва лежит перед глазами
С кремлем возвышенным во образе венца:
Пред взорами Москва — и нет Москве конца.

Так писал поэт менее чем через год после изгнания из Москвы наполеоновских войск.

Знакомство с пометками Воейкова в книге Делиля позволяет сделать некоторые наблюдения над отдельными художественными принципами переводчика, над самим процессом его труда, начиная от предварительного определения объема предстоящей работы, планирования ее на каждый день и кончая подбором необходимых слов и художественных деталей для точной передачи поэтического текста. Все это представляется тем более интересным, что рукописи Воейкова-переводчика, как уже было сказано, не известны.

Завершив в конце июня 1815 г. перевод всей поэмы начисто, Воейков выпустил ее в свет отдельным изданием в 1816 г. (цензурное разрешение от 10 января 1816 г.). Это издание вышло с воспроизведением всех примечаний автора ко второму изданию «Les Jardins», но предисловие, также имевшееся во французском издании, было переводчиком опущено. Делая примечания к русскому тексту, Воейков воспользовался уже сделанным переводом А. Палицына[26], на что в одном из примечаний есть прямое указание («Сады», 160). Однако даже при ссылке на перевод А. Палицына Воейков очень серьезно исправляет и редактирует его текст. Наряду с примечаниями Делиля Воейков включает в свое издание собственные примечания, относящиеся к описанию русских садов и к опущенной им при переводе значительной части I песни («Сады», 169).

Как уже упоминалось, один из экземпляров этого издания сохранился в библиотеке В. А. Жуковского, но, как и французское издание Делиля, первоначально принадлежал семье Воейкова: он был подарен переводчиком А. А. Воейковой.

Книга из библиотеки Жуковского оформлена как подарочный экземпляр и несколько отличается от оформления основ-

ного тиража данного издания, имеющего коричневый кожаный переплет с очень скромным золотым тиснением по корешку. В книге на отдельных листах 4 гравированных рисунка, помещенных перед каждой из песен.

Экземпляр, подаренный переводчиком А. А. Воейковой, имеет золотой обрез, переплетен в темно-красный кожаный переплет, обрамленный золотым тиснением в виде стилизованной виноградной лозы. Корешок также имеет богатое золотое тиснение в виде стилизованной садовой решетки. На верхней крышке переплета — небольшая прямоугольная позолоченная пластинка с несколько усеченными углами, украшенная гравированным орнаментом. В центре ее выгравирован ромб с инициалами переводчика (А⟨лександр⟩ В⟨оейков⟩) и датой — 1816. Книга имеет закладку в виде закрепленной при переплете зеленой ленточки. После титульного листа в книгу вплетены 2 листа, отличающиеся от остальных по цвету и плотности. На них типографским способом оттиснуто: л. 1 — Доброй моей женушке. На л. 2 помещено четверостишие и дата:

Ты видела мои труды —
И мне мои труды казалися забавой;
К ногам твоим кладу окончены Сады:
Ты Музой мне была, теперь ты будь мне славой!

Дерпт
1816 года Ноября 6-го дня

Никаких пометок или записей в книге нет, но уже сама дарственная надпись, помимо чисто биографического значения, интересна тем, что дает возможность точнее установить время выхода в свет «Садов» Воейкова, ставших достоянием читающей публики не позднее ноября 1816 г.

Нельзя не указать, что в ИРЛИ, в фонде известного собирателя Павла Яковлевича Дашкова (ф. 93, оп. 3, ед. хр. 227), хранится еще один экземпляр «Садов» в переводе Воейкова, но не подарочный, а обычный, содержащий дарственную надпись Воейкова. На титульном листе книги рукой переводчика записано:

Любезнейшему переводчику Фридлендера,
при отъезде его в Киев,
как знак признания и уважения.

18 $\frac{\text{IX}}{28}$ *25* *Переводчик Садов*
Воейков
С. П. б.

Кто такой Фридлендер? Кто его переводчик, которому принадлежал этот экземпляр книги?

Наиболее вероятно, что речь идет об экономисте, профессоре Дерптского университета по кафедре камеральных наук Эбергарде-Давиде Фридлендере (1799—1869), писавшем все труды на немецком языке. Дело в том, что Воейкову как публицисту и журналисту не был чужд интерес к экономическим проблемам. Во время своих неоднократных путешествий по южным губерниям России он, как видно из его записок, интересовался не только природой и бытом мест, им посещаемых, но в большей мере обращал внимание на различные хозяйственные вопросы, непременно отмечая, что́ лежит в основе благосостояния жителей, какой из производимых продуктов дает бо́льший доход в данной местности, какие ремесла наиболее прибыльны и т. д. Т. е. науки камеральные, как их тогда называли, были в сфере его интересов. Известно также, что во время пребывания в Дерпте А. Ф. Воейков поддерживал личные связи с предшественником Фридлендера на посту заведующего кафедрой камеральных наук Фридрихом-Эбергардом Рамбахом (1767—1826). Следовательно, есть основания предполагать и наличие интереса у Воейкова к трудам Э.-Д. Фридлендера.

Но кто переводил труды Фридлендера? С полной достоверностью ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Однако основания для предположений есть.

На том же титульном листе, где находится дарственная надпись Воейкова, неизвестной рукой несколько выше надписи, слева от выходных данных книги, записана буква М., а справа — фамилия Магазинер. С фамилией Магазинер мы встречаемся в воспоминаниях В. И. Панаева, который, рассказывая об одной из встреч с И. И. Дмитриевым зимою 1820 г., пишет, что Дмитриев «⟨...⟩ жаловался вообще на настоящее состояние нашей литературы, ⟨...⟩ удивлялся числу вновь появившихся сочинителей, да с такими, притом, именами, ⟨...⟩ что не скоро выговоришь: Карлгоф, Магазинер, Кюхельбекер» [27].

Известен Марк Яковлевич Магазинер (1789—1858) [28], доктор медицины, принимавший участие в сражениях при Бородине, Лейпциге, Париже, автор целого ряда популярных (оригинальных и переводных с немецкого и французского языков) трудов, по преимуществу посвященных лечению алкоголизма, и многочис-

ленных статей в периодической печати по статистике и гигиене. И сама медицинская проблема, волновавшая ученого, связанная с социальными вопросами, и наличие у него работ по статистике не только не исключают, но скорее предполагают возможность интереса М. Я. Магазинера к работам известного экономиста.

Обращает на себя внимание и еще одно интересное совпадение. Большинство называемых в указателях трудов Магазинера было издано в Петербурге и только две работы — за его пределами: одна (1831 г.) — в Киеве, другая (1835 г.) — в Варшаве. В то же время дарственная надпись Воейкова сделана в Петербурге 28 сентября 1825 г. и обращена к человеку «*при отъезде его в Киев*». И хотя пока у нас нет точных фактов, подтверждающих, что именно доктор медицины М. Я. Магазинер переводил труды профессора-экономиста Э.-Д. Фридлендера, косвенные данные склоняют нас к этой мысли, и нахождение конкретных фактов такого перевода представляется делом недалекого будущего. Однако изучение этого вопроса будет иметь бо́льший интерес при знакомстве с деятельностью Воейкова — публициста и издателя, автора записок о путешествии в Сарепту и на развалины Шери-Сарая, в то время как нас интересовал преимущественно Воейков — переводчик «Садов» Делиля, Воейков-поэт.

Таким образом, нельзя еще раз не обратить внимания на тот факт, что знакомство с книгами из библиотеки В. А. Жуковского представляет огромный интерес как в плане более глубокого понимания и изучения эстетических, философских, исторических воззрений владельца, так и в том отношении, что они могут многое рассказать о творческих и личных контактах поэта с общественными и литературными деятелями его времени. Более того, книги из библиотеки поэта подчас дают возможность познакомиться с литературно-художественной деятельностью близких В. А. Жуковскому в том или ином отношении лиц и, в свою очередь, установить их творческие связи и интересы, т. е., по существу, являются памятниками культуры своего времени.

*

[1] Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1979, ч. I; Библиотека В. А. Жуковского (Описание)/Составитель В. В. Лобанов. Томск, 1981.

[2] Среди планов, составлявшихся поэтом в процессе работы над поэмой, в частности, записано: «**Прочесть:** Клейста. Томсона. С-Ламберта. Georgiques de Virgile. Gessner. Histoire naturelle du Ciel. Sur la manière d'étudier la Nature. Theorie de la Terre. Epoque de la Nature. Histoire de l'Homme. Discours sur la nature des animaux. Sur la nature des oiseaux. Sur la nature des ovipares. Sur la nature des serpens. Sur la nature des poissons» (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 12, л. 21).

[3] См., например: Четыре времени года/Соч. Томсона; Пер. Дмитревской. М., 1798; Четыре времени года в их сокращении, или четыре части дня/Соч. Цахария, подражание Томсону; Пер. с нем. А. Лубкин. СПб., 1805; Сельский работник/Соч. Роберта Блумфильда; Пер. с фр. М. Ошанин. М., 1809; Четыре времени года/Соч. А. Попе; Пер. с англ. М. Марков. М., 1809.

[4] *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России.—/В кн.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 48.

[5] Письмо П. А. Вяземского к А. Ф. Воейкову 27-го июля 1818 г.— Русская старина, 1892, дек., с. 662.

[6] Les Jardins: Poëme par Jaques Delille, nouvelle édition. P., 1801. (Далее: «Les Jardins «с указанием страницы).

[7] Сады или искусство украшать сельские виды/Соч. Делиля; Пер. А. Воейков. СПб., 1816. (Далее: «Сады» с указанием страницы).

[8] Случаи нахождения в библиотеке Жуковского книг, ранее принадлежавших кому-либо из его друзей (А. И. Тургеневу, А. Мерзлякову и др.), имеются, как известно и случаи, когда книги поэта, будучи даны им кому-то из близких, так и не вернулись на полки его библиотеки.

[9] См., напр., запись Жуковского от 19—20 апреля 1815 г.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 126.

[10] Вестн. Европы, 1807, ч. 34, № 13, с. 254—258.

[11] Вестн. Европы, 1810, ч. 52, № 7, с. 192—195.

[12] Числа, обозначающие дни месяца, опускаются, так как воспроизведение их потребовало бы излишнего, на наш взгляд, приведения повторяющихся колонок цифр от 1 до 30 или 31 соответственно месяцу.

[13] Речь идет о II песне.

[14] Имеется в виду III песня.

[15] Относится к IV песне.

[16] Всего в «Вестнике Европы» поэтом было опубликовано 11 отрывков общим объемом 1374 стиха: 1807, ч. 34, № 13; 1810, ч. 50, № 7; 1810, ч. 52, № 16; 1811, ч. 56, № 8; 1812, ч. 63, № 9; 1813, ч. 64, № 7—8; 1814, ч. 75, № 9; 1815, ч. 80, № 7; 1815, ч. 81, № 9; 1815, ч. 82, № 13; 1815, ч. 83, № 17.

[17] Вместо 12 строк, отведенных Делилем для общих рассуждений о русских садах («Les Jardins», с. 9), Воейков дает обширное описание многих замечательных уголков России (72 стиха), помещая его значительно позднее (перед описанием садов английских) и опустив в переводе еще 6 строк собственно лирических излияний французского автора

(см.: «Les Jardins», с. 15). Вероятно, появление именно этого отрывка, а не отдельного издания поэмы вызвало шутливые стихи В. А. Жуковского, обращенные к А. Ф. Воейкову:

Хвала, Воейков! крот, сады
Делилевы изрывший
И царскосельские пруды
Стихами затопивший.
Пред ним, за ним свистят свистки
И воет горько муза.
Он бодр! Вергилия в толчки!
Пинком Делиля в пузо!

Это стихотворение в числе других шутливых стихотворений поэта 1811–1813 гг., переписанных в небольшую тетрадочку, находится в ИРЛИ (Онегинское собрание, ед. хр. 27795, CXCVIII, б. 66, л. 4). В качестве анонимного, без указания источника публикации и с небольшими разночтениями оно было включено в раздел «Смесь» в кн.: Эпиграмма и сатира: Из истории борьбы XIX века/Сост. В. Орлов. М.; Л., 1931, Т. I. 1800–1840.

18 В поэме Делиля 3018 стихов, в переводе Воейкова – 3160.

19 Впервые: Les Jardins ou l'art d'embellir les paysages. Poëm par Mr l'Abbé de Lille, De l'Académie Françoise. P., 1782. Вторично: Les Jardins, poëm. Par Jacques Delille, nouvelle édition. P., 1801.

20 В первом издании (P., 1782) объем поэмы составил немногим более 1900 стихов, во втором их уже свыше 3000.

21 Ах! если мир полей, если их счастливые досуги//Не были бы чистейшим и нежнейшим из удовольствий,//Откуда их тайная власть над нашими сердцами?

22 Что я говорю? Сердечно приглашая к нежным досугам,//Сад порою был наградой победителям.//Если я прихожу туда, чтобы вновь найти воспоминания старых времен,// //Я думаю, о Розамонда, о твоей трогательной истории;//Кто больше, чем ты, заслужил имя розы?//Ах! несчастный объект и ненависти и любви,//Тебя более нет; но тень твоя обитает здесь...

23 Вычеркнутых переводчиком строк в первом издании нет, хотя во втором издании добавлено значительно больше стихов, чем вычеркнуто и не переведено Воейковым.

24 Кто сможет увидеть, не вспомнив о ваших общественных добродетелях,//этот священный монумент гражданских доблестей?//Привет, храм искусств, храм дружбы...//Но увы! я не вижу здесь больше алтаря сострадания!//Кто все же лучше, чем вы, знает его нежный огонь?//Ах! если его нет в этих местах, то его храм в нашей душе.

25 Об этом см.: *Регель А.* Изящное садоводство и художественные сады: Историко-дидактический очерк. СПб., 1896.

26 Сады: Поэма Ж. Делиля/Пер. А. Палицын. Харьков, 1814.

27 *Панаев В. И.* Воспоминания.– Вестн. Европы, 1867, т. III, с. 269.

28 О нем см., напр.: *Венгеров С.* Источники словаря русских писателей. Пч., 1917, т. IV; *Геннади Г. Н.* Краткие некрологи русских писателей, умерших в 1858 г.– Библиографические записки, 1859, II, № 20, ст. 650; Энцикл. слов. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1896, т. XVIII.